

«ТАНЕЦ ЖИВОТА Я ИСПОЛНЯТЬ НЕ БУДУ»,

—говорит Михаил Ульянов, один из самых больших актеров России

Его биография могла быть эталоном актерского успеха: мальчик из Сибири поступает в Щукинское училище и становится первым артистом Вахтанговского театра, Москвы, страны... Кто не помнит героев Ульянова, мужественных и властных, порой сомневающих, но всегда внутренне цельных.

Сейчас многое изменилось. Ушел репертуар, с которым было связано имя Ульянова. И дело даже не в том, что героями нашего времени перестали быть генералы и председатели колхозов — шекспировский Ричард III тоже не из их числа. Все мы как-то внутренне съезжились, измельчали, воля, темперамент и размах чувств ульяновских персонажей нам, нынешним, не ко двору. Он всегда и во всем слишком значителен, слишком крупен — а мы вступили в эпоху, где часто торжествует ловкая посредственность. И — даже зная о том, что Ульянов — актер неожиданный и многогранный, — трудно преодолеть ощущение, что он и новая жизнь друг с другом не совпадают.

Во всяком случае, держится Ульянов особняком, не принимая участия в сегодняшней суете. Его положение во многом драматично. К тому же Союз театральных деятелей, который Ульянов возглавляет, по слухам, находится в тяжелом положении...

— Михаил Александрович, все-таки случилось с СТД?

— То же самое, что происходит сейчас со всей нашей культурой. Гибнут музеи, коммерческие структуры вселяются в мастерские художников... Выпустить премьеру, снять фильм стало почти невозможно: из-за инфляции расходы взлетели на головокружительную высоту. А у СТД нет денег на социальные программы, на то, чтобы завершить начатое строительство, — даже памятники на могилах наших выдающихся актеров мы больше не ставим. Можно, конечно, пожать плечами — ну, рухнет еще один сталинский творческий союз, велика важность... Но ведь гибнет то, что было создано не советской — русской культурой.

В 1883 году замечательная актриса Мария Гавриловна Савина организовала «Общество для пособия нуждающимся

сценическим деятелям», вскоре преобразованное в «Русское театральное общество». От него и ведет свою родословную СТД. По копейке, из членских взносов, из денег, собранных актерами, складывалась собственность союза — фабрики по производству театральной косметики, дома отдыха, библиотеки. На протяжении века союз, как мог, помогал театральным людям. Им, зачастую почти нищим, легче было жить, зная, что за спиной есть кто-то, кто поддержит в трудную минуту. Император освободил театральное общество от налогов, Ленин защитил его от реквизиций. А сейчас, когда изо всех углов раздаются проникновенные речи о возрождении России, никому нет дела до положения, в котором оказалась стапелшная из ныне действующих творческих организаций.

— Пожалуй, кое в чем можно упрекнуть и руководств

СТД, не спешившее развернуть собственные коммерческие структуры...

— Коммерческая деятельность в конечном счете всегда мешает творчеству. Вы, конечно, можете мне возразить — как же, ведь всеми уважаемые режиссеры Х, У, Z у нас зарабатывают! Да, но при этом они так спешат, так суетятся, так хотят выручить деньги... Сам способ существования заставлял их жить на бегу, как маклеров на бирже.

Знаете, я очень боюсь, что за разговорами о рынке, выживании, коммерческой деятельности мы упускаем главное. Сегодня мы, несмотря ни на что, еще имеем уникальный российский театр. В нем много скверной благотворительности — таких громадных, мало занятых в репертуаре трупп нет больше нигде. Но зато в нем есть и то, чего не хватает западной сцене: традиция, культурная преемственность, ощущение общего дома. И во многом вследствие этого — высочайший художественный результат. Даже те, кто здесь, у нас, большим авторитетом не пользуются, на зарубежных гастролях часто производят ошеломляющее впечатление. Это — часть национального достояния, которую сегодня мы можем утратить. Я боюсь, что попытки перестроить наш театр на западный лад закончатся тем, что 50—60 процентов актеров будут выброшены на улицу. А уцелевшие труппы перейдут на коммерческую систему работы и будут штамповать спектакли-боевики. Для того чтобы этого не произошло, необходима поддержка государства и — крепкий Союз театральных деятелей.

— Говоря о театре, вы употребили слово «дом». Раньше театральным мир действительно был нашим общим домом, где все были друг другу интересны. Сейчас он разрушился. Режиссеры по-прежнему ставят, актеры играют, критики пишут, но никому из коллег по профессии до этого дела нет. Спектакли не стали хуже, чем несколько лет назад, но всех сосет профессиональная неудовлетворенность. Как вы чувствуете себя в этой ситуации — не только как руководитель союза, но и как актер?

— Представьте себе актеров, которые играют, зная, что у театра тлеет крыша. Представьте зрителей, которые пришли на спектакль, оставив горящий дом... Общественная атмосфера сейчас не способствует искусству. Наш прежний мир, к которому мы привыкли, внезапно превратился в джунгли, и мы пробираемся через них, каждую минуту ожидая беды. Театр в таких условиях не слишком волнуется даже тех, кто посвятил ему жизнь. Вот это и придает сцене ощущение какой-то... забвенности, что ли. Некоторые называют это кризисом театра. Чепуха, никакого кризиса нет! У нас, слава тебе, Господи, есть мирового класса режиссеры, художники, актеры. Дело в другом.

С шестидесятых до середины восьмидесятых годов театр был единственным рупором правды, к каждому более или менее острому спектаклю стремились, как в оккупации к «Голосу Москвы». Театр был интересней, глубже и умней жизни. Люди шли даже не на самые лучшие спектакли. А сегодня жизнь сама стала театром. Мы включаем съездские трансляции, и перед нами проходят драма, трагедия, гнусный фарс... Театр стал пресным, забавнее и страшнее того безумного калейдоскопа, что нам пред-

лагают политики, он не может сказать ничего. И людям сцены тоже приходится существовать в ритмах этой безумной жизни. Между делом заскочили к коллегам — ага, ты смотри, все еще что-то ставят... И побежали дальше. Куда? За собственным хвостом. Я никого не виню — разве что время. Оно не в первый раз убивает театр. В пятидесятые годы его прикончила теория бесконфликтности. Театры погибали без зрителей, которые не хотели идти на пьесы, где все вертелось вокруг борьбы хорошего председателя колхоза с еще лучшим агрономом. Но как только театр оказался умнее жизни, люди в него пошли. Сегодня он не умнее ее. Разве что не так безумен...

— Где же выход?

— Не терять достоинства, не суетиться, не продаваться, как проститутка, не терять профессионализма... Продолжать жить. Пройдет и это время, с потерями, с кровью, театр опять займет свое место. А сегодня нам надо выжить. Но не в том смысле, который в это слово вкладывают сейчас, — любой ценой есть хлеб с маслом. Необходимо сохранить и душу, и достоинство, остаться Артистом и Человеком.

Мои товарищи мне говорят: почему театр имени Вахтангова не поднимает цены на билеты? Ведь унизительно, когда бутерброд стоит дороже, чем билет в театр... Они совершенно правы, но я не могу себе представить, чтобы врач, инженер, учитель, студент, простой рабочий смогли заплатить за билет сто пятьдесят рублей. За эти деньги его купит тот, у кого есть еще сто пятьдесят миллионов и кто в придачу готов

приобрести весь театр с потрохами. И я буду должен ублажать человека, у которого нет культуры, но есть возможность все купить? Нет, ста пятидесяти рублей я сегодня не буду брать. Не смею. Лучше десять лишних спектаклей сыграю — но для тех, кто всегда ощущал театр частью своей жизни. Танец живота перед нуворишами я исполнять не буду.

— Михаил Александрович, «обязательный» вопрос. Что вы сыграете в этом сезоне?

— Я сейчас занимаюсь только репертуаром театра Вахтангова. «Женитьбу Балзымина» у нас репетирует Кац; Фоменко со старшим поколением — Борисовой, Макасовой, Яковлевой, Шалевичем — работает над спектаклем «Без вины виноватые». На выходе «Опера нищих», в ближайших планах «Трактирщица», скоро начнем репетировать бенефис Ланового. Есть и другие наметки. Сам я как актер ничего сейчас играть не буду.

— Летом я разговаривал с Юрием Соломиным. Тоже художественный руководитель театра, тоже ничего не собирался играть, и даже интонации у него были примерно те же... Не смеетесь?

— Да нет, мне не смешно. Положение что у Кирилла Лаврова, что у меня, что у Юрия абсолютно одинаковое. На наших плечах такие махины, что на актерство сил уже не хватает. К тому же я недавно сыграл в спектакле «Соборяне». Да и роли на меня сейчас нет. Хотя роль можно было бы и найти... Но я просто не хочу. Положение мое сейчас парадоксально. Я... Впрочем, это уже к делу не относится. Давайте-ка лучше кончим на том, что в этом сезоне роли у меня не будет...

На этом мы и закончили. А через несколько дней я пришел в Дом актера на собрание, посвященное будущему СТД, — после него мне стало яснее, что значили последние слова Ульянова. Там ему крепко досталось. Подначивал же выступавших кое-кто из первой его секретарской команды — те, кто больше всего урвал благ и льгот, зарубежных поездок, командировок, стажировок и синекур. Что ж, высокий пост для большого художника в конечном счете всегда оказывается крестом... Но дело не только в этом. Так, подсвистывая, прощаемся мы с нашей культурой последних десятилетий, с человеческим и актерским типом, который во многом ее олицетворяет. «Совок» всегда получал огромное удовольствие, разделяясь с теми, перед кем недавно преклонялся. Когда на очередном съезде ВТО главой театрального общества впервые за долгие годы не был избран М. И. Царев, у всех сразу открылись глаза на недостатки Малого театра. Сегодня, похоже, приходит черед Ульянова.

О том, как Система давила искусство, сказано немало, — и все это, по большей части, правда. Но она по крайней мере относилась к нему всерьез. Театр жил, ощущая себя тем, чем всегда была русская сцена: школой жизни, кафедрой, храмом... Косвенным подтверждением этого были цензурные строгости, прямым — почетные звания и ордена, съездовские мандаты и депутатские значки. Сейчас правила игры поменялись: большие актеры зарабатывают деньги, выступая на презентациях, перед жующей и пьющей публикой. Они снимаются Бог знает в чем, вместе с режиссерами заискивают перед спонсорами, делающими деньги черт знает из чего — из воздуха, грязи, крови... Некоторые, однако, существуют вне этого. А больших ворон, как известно, клюет вся стая...

Алексей ФИЛИППОВ.